

ОБРАЗЫ ЭТНИЧНОСТИ ЕВРАЗИИ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Статья посвящена созданным польскими историками XVI в. протонаучным концепциям этногенеза и ранней истории народов Евразии – русских, московитов, болгар, вандалов, готов, половцев, печенегов, венгров и татар. Данные концепции, обобщившие богатый опыт развития этнографических знаний в древности и средневековье, позволяли европейским интеллектуалам эпохи Возрождения получить представление об эволюции этнической карты Евразии, определить ареалы расселения народов этого региона, направления их переселений, характер межэтнических взаимоотношений, а также выявить специфику языка, культуры и быта, особенности политической и социальной организации.

Ключевые слова: Польша, эпоха Возрождения, хроника, этногенез, восточные славяне, болгары, вандалы, печенеги, половцы, венгры, татары.

Созданные на рубеже средних веков и Нового времени протонаучные сочинения польских авторов в интеллектуальных кругах Европы приобрели репутацию наиболее компетентного источника информации о прошлом и настоящем народов Евразии. Действуя в русле передовых тенденций развития гуманитарного знания, характерных для эпохи Возрождения, ученые стремились разобраться в сложных этнических процессах посредством выдвижения гипотез, позволявших осветить вопросы происхождения этнических групп этого региона, определить места их расселения, направления миграции, характер межэтнических взаимоотношений, а также выявить специфику языка, культуры и быта, особенности политической и социальной организации. Изыскания авторов польских исторических сочинений Ренессанса опирались на богатый опыт развития историографии древности и средневековья – библейскую традицию, труды выдающихся писателей Древней Греции и Древнего Рима, стран

Ближнего Востока, Византии, а также древнерусские летописи и западно-европейские анналы.

Проблематика этнической истории Евразии нашла отражение в издававшихся на латинском и польском языках работах Матвея Меховского, Мартина Кромера, Марчина Бельского, Мачея Стрыйковского и Александра Гваньини. Все они были приверженцами т.н. сарматской теории, в рамках которой древние славяне отождествлялись с сарматским суперэтносом, а этногеографическое понятие «Сарматия» приобрело особое культурно-историческое значение – стало универсальным маркером территории, находившейся на границе Европы и Азии. Территориальные рамки Сарматии в представлениях этих авторов были значительно шире ареала расселения сарматских племен, описанного в сочинениях писателей древности. Тогда как «классическая» Сарматия располагалась в Северном Причерноморье, польские ученые расширяли ее пределы до Карпат, Балтийского моря и Северного Ледовитого океана, берегов Волги и Дона [Ulewicz, 1950]. Эта огромная территория разделялась ими на две зоны: европейскую и азиатскую. Такое деление было впервые обосновано в «Трактате о двух Сарматиях» М. Меховского, опубликованном на латинском языке в 1517 г. С точки зрения этого ученого, Евро-

*Статья подготовлена во время стажировки автора в Центре изучения античной традиции Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета.

пейская Сарматия была населена преимущественно христианскими народами – литовцами, русскими и московитами, тогда как Азиатская – «варварскими» племенами татар. Границами двух Сарматий автор называет реки Волгу и Танаис (Дон) [Меховский, 1936, с. 47, 61]. Трактат Меховского положил начало изучению в ренессансной Польше истории народов Евразии, среди которых наибольшее внимание уделялось русским и московитам.

Ключевым в «сарматской теории» польской ренессансной историографии было убеждение, что «русские народы» вели свое происхождение непосредственно от сарматов. Усомнившись в достоверности широко распространенной в средневековой хронографии этногенетической легенды, производившей русских от их «первопредка» Руса (брата либо потомка прародителей чехов и поляков Чеха и Леха), авторы польских исторических сочинений второй половины XVI в., среди которых наибольшим авторитетом пользовался М. Кромер, выдвинули и обосновали альтернативную гипотезу. По их представлениям, древними предками русского народа являлись упоминавшиеся в сочинениях Птолемея, Тацита, Плиния и ряда других писателей древности сарматские племена роксолан (Roxolani), это наименование со временем трансформировалось в название «руссы» (Russi) [Cromer, 1555, p. 17]. Дополнительным доказательством достоверности своих выводов авторы считали приблизительное сходство ареала расселения современных им «руссов» и древних роксолан. Столь пристальное внимание к этому вопросу в польской традиции исторических представлений не случайно: «сарматский» генезис русского народа был престижен и для других славян (в т.ч. поляков), т.к. давал возможность значительно «удревнить» их историю. С одной стороны, он позволял «вписать» славян через эпонима сарматов, потомка ветхозаветного Сима Асармота/Сарматы в библейскую генеалогию [Strykowski, 1582, s. 91], а с другой – распространял на них доблести воинственных сарматов, в свое время противостоявших могущественной Римской империи и другим государствам древнего мира [Bielski, 1551, l. 35–35 v.].

Аналогичная техника доказательства была использована и для обоснования древности происхождения московитов. Их наименование сопрягалось с многочисленными вариациями этнонима, обозначающего народ, населявший древнюю Каппадокию, – москов/мосхинов/модоков/амаксобитов, – упоминания о котором были обнаружены польскими историками в трудах Птолемея, Иосифа Флавия, Плиния и Страбона [Cromer, 1555, p. 15], а также производилось от имени ветхозаветного Мосоха [Bielski, 1564, l. 6 v.], что позволяло напрямую связать славянские народы с «праотцом» Ноем через Яфета.

Несмотря на культурно-историческую престижность «сарматской» и «мосоховой» гипотез, объяснявших происхождение восточных славян, для данных этногенетических построений был характерен общий конструктивный изъян, обусловленный тем, что родословная «от Мосоха» в рамках библейской генеалогии никак не сочеталась с сарматской эпонимической легендой (славяно-сарматский эпоним Асармот был потомком ветхозаветного Сима, т.е. лишь опосредованно был связан с родом Яфета и Мосоха). Таким образом, польские ренессансные историки были вынуждены согласовывать эти две взаимоисключающие теории.

Следует отметить, что данная проблема была осознана далеко не сразу. Так, в исторических трудах 50-х гг. XVI в. (ранние редакции хроник М. Бельского и М. Кромера) представлены обе концепции, но каких-либо комментариев по поводу их взаимной противоречивости не дается. Лишь в третьей редакции сочинения Кромера была предпринята попытка объяснить не вызывавшее сомнений этнокультурное единство восточно-славянских народов тем, что мосхам «в силу близкого соседства» перешло имя роксолан, а потом вновь было возвращено первоначальное наименование [Cromer, 1568, p. 10]. Таким образом, по мысли автора, изначально имевшие разное происхождение русские и московиты вследствие совместного проживания на одной и той же территории объединились, чем и объясняется противоречивость данных этногенетических гипотез. М. Стрыйковский, согласившийся с выводом М. Кромера, согласовал эти гипотезы посредством прямого включения в легендарный сюжет Мосоха и Сарматы. В его сочинении Сармата характеризуется как «родственник» Мосоха на том основании, что они имели общего главу родовой иерархии – Ноя, а взаимоотношения этих двух эпонимов синхронизируются во времени и пространстве с момента разрушения Вавилонской башни и до их совместного переселения в «северные страны» [Strykowski, 1582, s. 91]. Стрыйковский стремится убедить читателей своей хроники в том, что славяне по крови связаны с «народом мосхов», а по имени – с сарматским племенем роксолан. Причем оба варианта происхождения были приемлемы и престижны: «мосохов» генезис актуализировался в рамках парабиблейской традиции, а роксоланы-сарматы в большей степени были известны по сочинениям античных историков. Достижение столь важного компромисса позволило Стрыйковскому рассматривать в качестве древних предков славян как мосхов (этнонимически связанных с современными ему московитами), так и роксолан (этнонимически связанных с «народом русским»).

Вместе с тем далеко не всегда сопряжение «московского народа» и древних мосхов в ренессансных

исторических трудах имело позитивную направленность. В частности, в историко-географическом сочинении «Sarmatiae Europae Descriptio», автором которого был натурализовавшийся в Польше итальянец А. Гваньини, это обстоятельство служит основанием для сравнения московитов «из-за жестокости нравов» с турками и арабами, т.е. при помощи исторических аргументов подтверждаются актуальные представления о них как о диком и склонном к тирании народе [Gwagnini, 1578, f. 47 v.].

Польские ученые эпохи Возрождения также уделали внимание истории ряда других народов Сарматии – болгар, вандалов, готов, печенегов, половцев, венгров и татар, сведения о которых были заимствованы из средневековых источников, но истолковывались авторами ренессансных исторических трудов в рамках оригинальных этногенетических построений.

Вопрос о происхождении «булгарского народа» впервые был поставлен в «Хронике всего света» М. Бельского. Автор неоднократно называет болгар «народом славянского языка» [Bielski, 1551, l. 65, 75], их древней прародиной считает земли, располагавшиеся «между Азией и Европой на обоих берегах реки Танаис, которую мы называем Волгой», и связывает с ее названием происхождение раннего этнонима [Ibid., l. 79 v., 156]. Бельский пишет, что болгары переселились из «великой Волгарии» «на побережье моря, которое мы называем Понтом Евксинским, и Белого озера, которое мы называем Меотским озером либо озером Бицен... аж до реки Днепр». Последующее их переселение на Балканы автор связывает с эпохой «великого цесаря Юстиниана», описывает завоевание подвластных ему провинций болгарским князем Дербалем*, в результате чего болгары заселили «большую и малую Мисию» и «назвали ее по отеческому месту Булгарией» [Ibid., l. 79 v.]. Бельский не ограничивается констатацией факта славянского происхождения и родства балканских и волжских болгар, он также утверждает, что именно от них произошли южно-славянские народы, которые «заняли Боснию, через Венгрию продвинулись далеко, вплоть до Далмации, Иллирика, аж до самой Истрии» [Ibid.]. Еще одна группа болгар, сохранившая в имени своего народа память о происхождении «от Волги», по свидетельству автора, переселилась на Волынь и до сих пор называется волынцами [Ibid., l. 156].

Важно отметить, что данная этногенетическая гипотеза, обосновывавшая славянское происхождение

*Бельский имеет в виду болгарского хана Тервеля (годы правления 702–718), современника императора Юстиниана. В результате соглашения этих двух монархов Тервель значительно расширил свои владения на Балканах и получил титул кесаря.

ние болгар, не получила широкого распространения в латиноязычных исторических трудах – отклик на нее мы находим лишь в сочинении М. Стрыйковского, который, как и М. Бельский, опубликовал свою хронику на польском языке. Стрыйковский с незначительными изменениями воспроизводит описание ранней этнической истории болгар, представленное Бельским [Strykowski, 1582, s. 97–98, 100–101, 105], и подтверждает достоверность главного тезиса о происхождении славяно-болгар из московских земель указанием на то, что «и ныне князь Московский подаром Булгарским пишется» [Ibid., s. 97].

Выдвинутая Бельским гипотеза о «булгарском» генезисе славян не противоречила «сарматской» теории. Он неоднократно указывает на общее славянское происхождение славяно-болгар и славяно-сарматов (роксолан), приблизительное совпадение ареалов их расселения (общность прародины), полагая, что различия в наименованиях следует объяснять топонимической спецификой конкретной местности, населенной этими народами.

Крайне противоречивые сведения в польских исторических сочинениях эпохи Возрождения мы находим о происхождении и истории вандалов. Им уделяется повышенное внимание в связи с тем, что именно этот народ многими средневековыми авторами отождествлялся с поляками (Вандал – древнее название Вислы). Польские историки XVI в. не отрицали территориальной принадлежности вандалов к сарматским землям, однако далеко не все из них были готовы признать сарматское, а стало быть, и славянское происхождение этого народа.

В трактате М. Меховского содержатся два взаимоисключающих утверждения, касающиеся вандалов: с одной стороны, автор пишет, что вандалы «вышли из царства Польского, имена и прозвища получили от польских местностей, где жили, и язык у них был польский», а с другой – их же называет германцами, отрицает родовую связь вандалов с сарматами и скифами [1936, с. 77].

М. Кромер категорически отвергает саму мысль о родстве славян и вандалов, посвящает опровержению подобных «домыслов» целую главу своей хроники, имеющую характерный заголовок «Почему славяне не являются вандалами». Он аргументирует свой вывод рационалистическими доводами, в частности, пишет о том, что, согласно древним источникам, вандалы использовали немецкий язык, а также указывает на «германскую этимологию» имен их князей [Cromer, 1555, p. 9].

В сочинениях М. Бельского и М. Стрыйковского вандалы, напротив, включены в число славянских народов, хотя отмечено существенное расхождение мнений разных авторов по данному вопросу [Bielski, 1564, l. 336 v.]. Бельский называет вандалов

«нашим народом» и утверждает, что они переселились со своей древней прародины, располагавшейся на р. Танаис, озерах Меотис и Бицен, на берега Вислы, «где мы теперь находимся», а в дальнейшем вступили в соприкосновение с немцами, что и стало причиной возникновения ложных, по мнению этого историка, представлений об их германском происхождении [Bielski, 1551, l. 155 v–156]. Стрыйковский упоминает «вандалские народы» в числе этнических групп, ведущих свое происхождение «от сына Яфета Мосоха» наряду с сарматскими, болгарскими, русскими, готскими, польскими, волынскими и чешскими, тем самым верифицирует славянские корни вандалов [Strykowski, 1582, s. 109]. Он также использует это при попытке славянизировать древнерусскую династическую легенду, утверждая, что «русские... из вагров или варагов и вандалитов [происходивших] из своего славянского народа князей себе выбрали и вручили им верховную власть над русскими государствами» [Ibid., s. 116]. Тем самым вандалы/вандалиты пополняют список народов, которым «присваивается» славянское происхождение с намерением обеспечить современным автору славянам героическое прошлое.

Среди этнических групп Сарматии, не относившихся польскими ренессансными историками к славянам, наибольшее внимание было уделено готам, половцам и печенегам, которые, как правило, признавались частью одного народа, известного под разными названиями. Впервые эту версию выдвинул Меховский, засвидетельствовавший, что «готы соседями назывались половцами». Он отмечает сходство нравов и образа жизни готов и половцев, в частности, указывает на то, что и те, и другие «подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их», а также были грозными соперниками «роксоланов, рутенов* и вандалов», т.е. древних предков славян [Меховский, 1936, с. 68–69]. Автор настаивает на восточном происхождении готов, вовсе не упоминает широко распространенную в исторической литературе его времени альтернативную гипотезу готского историка VI в. Иордана, производившего свой народ из Скандинавии. Главным источником познаний Меховского об истории готов, по всей видимости, была хроника Павла Диакона (720–799), по которой польский автор воспроизводит в своем трактате свидетельства об их пребывании в Азиатской Сарматии, взаимоотношениях с Византийской империей и народами этого региона.

**Rutheni* – характерная для средневековой латиноязычной хронографии форма номинации русских, позже замененная этнонимическим термином *Russi* [Карнаухов, 2006, с. 265–272].

Последователи Меховского не сомневались в скандинавском происхождении готов. Бельский пишет, что первоначально этот народ переселился «в поисках более плодородных земель» на юг к морю Понтскому и лишь затем двинулся на запад – во Францию, Германию, Италию и Испанию [Bielski, 1551, l. 63]. Автору «Хроники всего света» был известен труд Иордана, но к представленному там описанию «деяний» готов он относился скептически, полагая, что готский историк, желавший прославить свой народ, «приписал ему все то, что совершалось как в Европе, так и в Азии либо татарами, либо сарматами» [Bielski, 1564, l. 337].

Польские историки второй половины XVI в. Бельский, Кромер и Стрыйковский согласились с мнением Меховского о родстве готов и половцев, однако не столь однозначно восприняли его этнонимическую гипотезу, согласно которой наименование половцев на языке русских и московитов обозначает «хищников и грабителей» [Меховский, 1936, с. 68]. Бельский считает половцев потомками готов наряду с пруссами и литовцами и, апеллируя к неким «историкам», отождествляет эти народы с гепидами. Он вскользь упоминает о переселении половцев в причерноморские области, но не называет регион, где они проживали ранее. Этноним половецкого народа, по мнению Бельского, имеет русское происхождение и трактуется двояко: с одной стороны, производится «от плена, так как Русь плен полоном называет», с другой – связывается с охотой, ловлей зверей. По словам польского историка, венгры именовали этот народ хумами. Данный вариант номинации объясняется тем, что половцы с Русью «кумовали», т.е. тесно взаимодействовали [Bielski, 1551, l. 177].

Кромер производит этноним половецкого народа от славянского слова «поле», по всей видимости, ориентируясь на мнение австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, автора знаменитых «Записок о московитских делах» [Herberstein, 1551, p. 86]. По словам польского историка, половцы были названы так их соседями русскими и славянами в связи с тем, что населяли области, расположенные «в полях у Танаиса и Меотского озера», точно так же, как поляки получили свое название от того же слова [Cromer, 1555, p. 186–187]. Кромеру были известны некоторые «альтернативные» наименования половецкого народа: в первой редакции его хроники фигурируют «хуны или куманы» [Ibid., p. 186], а в редакции 1589 г. – «фраги или фрагии» [Cromer, 1589, p. 128]. Однако какого-либо объяснения причин отождествления половцев и «фрагов» нет.

Согласно этногенетической концепции, представленной в хронике Стрыйковского, готы, гепиды, половцы, печенеги, литовцы, ятвяги и аланы были частями одного и того же «воинственного и рыцар-

ского народа». Опираясь на потенциал парабиблейской традиции, историк называет прародителем этого народа «Тогорму, третьего сына Гомера, внука Яфета, правнука Ноя». Он пишет о разделении народа на множество племен после переселения «из Ассирии в северные страны» и утверждает, что некоторые из них стали именоваться киммерийцами (а также кимерами или цымбрами), а в числе прочих указывает тех, кого называли готами, гепидами, певчинами или печенегами и половцами: они частично остались у Черного моря и оз. Меотис, частично ушли далее на север и расселились «в тех местах, где сейчас Вольты, Подолия и Литва» [Strykowski, 1582, s. 24–25]. Как можно видеть, польский автор опирался на уже зарекомендовавшие себя концепции (например, был сторонником гипотезы о «готском» происхождении половцев). Вместе с тем идея родства половцев и печенегов с балтами является результатом самостоятельных этногенетических изысканий Стрыйковского. Она была обоснована в гл. 8 5-й книги его сочинения, где мы находим описание разгрома половцев коалицией русских князей на р. Суле (1107 г.), заимствованное из латинской хроники польского историка конца XV в. Яна Длугоша [Długoss, 1615, p. 335], который, в свою очередь, почти буквально повторил рассказ русского летописца об этих событиях. Стрыйковский сообщает о том, что русские после победы гнали половцев «аж до Хорелы». Но поскольку Длугош прямо не указывает, чем именно является «Хорела»*, Стрыйковский по своему усмотрению истолковал топоним: «Хорела, или Корола, где и побили русаки половцев, является землей, прилегающей к Финляндии, на севере за Новгородом Великим, где жители говорят на латышском и иговском языке, близком литовскому». На основании этого ложного территориального сопряжения он сделал вывод: «...половцы, которые в то время проживали в Кореле, были единым народом с Литвой». Весомым доказательством верности выдвинутой им гипотезы автор считал то обстоятельство, что и «ныне еще остатки половцев перемешаны с Москвой... говорят на своем старом половецком языке, подчинены князю Московскому, и Москва их иговьянами и восками называет» [Strykowski, 1582, s. 201–202].

Появление половцев в Северном Причерноморье Стрыйковский связывал с их миграцией «с севера на восток», после чего половецкий народ занял земли «у озера Меотис и Понта Евксинского», расселился «в полях около рек Танаиса и Волги и в Таври-

ке», захватил Манкоп, Киркель, Крым, Азов, Кафу, Монкаструм, или Белгород [Ibid., s. 186].

Значительное внимание польские историки XVI в. уделили происхождению и ранней этнической истории венгров. Этот вопрос активно дискутировался в средневековой и ренессансной историографии Европы – к нему проявляли интерес авторы средневековых анналов, венгерские хронисты, а также ренессансные историки Эней Сильвий Пикколомини, Юлий Помпоний Лэт, Петр Рансан и др. Высказывались две точки зрения о корнях венгерского народа. Как правило, ученые отождествляли венгров с гуннами, и гораздо реже встречаются предположения об их «скифском» происхождении. Однако именно «скифская» гипотеза была обоснована польскими историками XVI в.

В трактате М. Меховского древней родиной венгерского народа названа Югра – «самая северная и самая холодная скифская земля у Северного океана», которая «ныне подчинена князю Московии». Именно из Югры, по свидетельству автора, вышли народы, названные впоследствии «гугнами или унгарами»; сильно размножившись, они спустились к Эвксинскому морю, перешли великие реки близ Меотидских болот и лишь затем проникли в Паннонию, где и остались. Меховский пишет также о том, что в период своих странствий они проявили себя как агрессивный народ – вытеснили готов из Скифии (Азиатской Сарматии), нанесли поражение рутенам в Европейской Сарматии [1936, с. 79, 118]. Главным доводом в пользу достоверности своей этногенетической версии автор считает сходство языка жителей Югры и венгров, расселенных в Паннонии, объясняя небольшие различия тем, что «наши венгры добавили кое-какие слова из славянского наречия для обозначения вещей, которых нет в Скифии и Югре».

М. Кромер не писал о происхождении и ранней этнической истории венгров. М. Бельский, хотя и обращается к этому вопросу (даже посвящает истории венгерского народа самостоятельный раздел «Хроники всего света»), приводит крайне противоречивые данные. Сославшись на «венгерские хроники», автор производит древнее население современной ему Венгрии – паннонцев – от эпонима Баннона из рода Сима, потомки которого расселились на Дунае и называли свою страну по его имени Паннонией [Bielski, 1551, l. 121 v.]. В то же время он сообщает, что вследствие завоевания Паннонии в 410 г. «татарским народом гуннов», пришедшим из северных стран, эта земля «от гуннов» получила название «Угры» и поэтому зовется Венгерской [Ibid., l. 122]. Бельский лишь вскользь упоминает о противостоянии гуннов, готов и славян на территории Сарматии, но, в отличие от Меховского, не связывает современных ему венгров с народами Югры.

*Летописец имел в виду р. Хорол (в русском источнике дословно: «гнаша до Хорола»), находившуюся на границе русских и половецких земель (ныне территория Полтавской обл. Украины).

М. Стрыйковский выдвигает две противоречащие друг другу гипотезы о происхождении венгерского народа. Согласно первой, в целом ориентированной на концепцию Меховского, этот народ происходит из «Югарии», которую подчинил своей власти «великий князь Московский Иван» [Strykowski, 1582, s. 91]. Однако, в отличие от своего предшественника, Стрыйковский считает венгров, или «хугров», потомками библейского Магога, второго по старшинству сына Яфета, и производит их этноним от названия реки «Хугри, или Югры», находящейся в Московской державе. Польский историк также пишет, что они, переправившись через Волгу, разбили живших на Дону «готов или половцев, предков литовских», после чего в 383 г., во времена правления императора Грациана, захватили Паннонию, а в 428 г. выбрали своим королем жестокого воина Аттилу [Ibid., s. 14]. Второй гипотезой Стрыйковский, по сути, дезавуирует первую: не отрицая связь венгров с Югрой, польский историк отождествляет их с гуннами и, применив традиционный прием поиска аналогий между этнонимами и именами ветхозаветных героев, производит эти народы от братьев «Хуннора и Магера, или Магора, сыновей Немрота Вавилонского», полагая, что Хуннор являлся их эпонимом [Ibid., s. 61–62].

Ни один польский историк эпохи Возрождения не проигнорировал вопрос о происхождении и ранней этнической истории татар. Интерес к этой теме изначально был вызван необходимостью объяснить причины татарского нашествия на Русь, Польшу и Венгрию, определить роль «татарского фактора» в региональных международных отношениях. В XVI в. «татарский вопрос» постоянно актуализировался в условиях противостояния татарских орд с христианскими государствами Восточной Европы и приобретающей все более угрожающие масштабы экспансии Османской империи.

Потрясение от татарского нашествия XIII в. было настолько велико, что историки различных стран Европы демонизировали татар, приписывали им, наряду с гуннами, роль главных сокрушителей культурных ценностей христианских народов (это позволяет объяснить, почему Бельский характеризует гуннов как «татарский народ» [Bielski, 1551, l. 122 v]). Страх перед татарскими ордами породил множество фантастических слухов и домыслов, которые получили широкое распространение в средневековых анналах, а через их посредничество и в исторических сочинениях эпохи Возрождения. В частности, одним из самых распространенных культурных маркеров татар стало сопряжение их этнонима с латинским названием преисподней (Tartarus, Tartara), что привело к утверждению в европейской латиноязычной хронографии несколько видоизмененной формы номинации – *Thartari*.

Польские историки XVI в., стремившиеся с рационалистических позиций осветить прошлое и современное положение татар, тем не менее также находились под влиянием вышеупомянутых этнокультурных стереотипов, что не могло не отразиться на результатах их изысканий.

Развернутая характеристика татарского народа впервые представлена в трактате М. Меховского, который опровергает гипотезу не названных им «современных обманщиков» об автохтонности татар в Азиатской Сарматии и настаивает на том, что этот «новый и пришлый народ» переселился в данный регион с востока ок. 300 лет тому назад и до того времени не был известен [1936, с. 46]. Исходной точкой миграции татар автор, следуя широко распространенной в европейской хронографии гипотезе, называет «предгорья Индии» [Там же, с. 47] и игнорирует высказанное несколькими десятилетиями раньше мнение своего соотечественника Я. Длугоша, производившего «род и племя татар от армян» по причине сходства их внешности и языка [Długoss, 1615, p. 498].

Как и Длугош, Меховский знает о существовании Чингисхана, называет его Цингосом или Цинхисем (Cingos vel Cingkis)* и характеризует как прародителя «нынешних» татарских императоров. Источником своих познаний автор «Трактата о двух Сарматиях» в данном случае называет «татарские предания и рассказы». Повествование Меховского изобилует подробностями, которые он характеризует как «выдумки» (например, о том, что Цинхис был зачат не от человека, а от солнечных лучей [Меховский, 1936, с. 64]). В трактате мы также находим родословие татарских императоров, где перемешаны свидетельства разных источников, нарушена последовательность эпох и деяний правителей. Пожалуй, наибольшую ценность представляет обстоятельное этнографическое описание современных автору татарских орд, включающее сведения об их быте и нравах, аналогов которому нет в других источниках того времени.

М. Бельский размещает «татарские царства» в Азиатской Скифии, на огромных пространствах «от самого восточного океана» до Волги и Дона. В качестве ориентира, позволяющего отделить Татарию от Скифии, в его хронике названа гора Имава, расположенная за Каспийским морем. Прародителем татар польский историк считает библейского Магога, потомка Яфета, но одновременно утверждает, что некоторые татарские орды размножились от Хама. Этноним татарского народа автор «Хроники всего света» производит от названия р. Тартар, но не указывает ее местоположение. Любопытно, что Бельский единственный из польских историков XVI в. отождествляет татар с «монгалами», произошед-

*У Длугоша – Chinchis.

шими «из великой Азии», называет этот народ «настоящими татарами», а его воинственного «короля» Цангуисту сравнивает с Александром Македонским [Bielski, 1551, l. 116 v.].

В хрониках М. Кромера и М. Стрыйковского нет новых сведений о татарском народе – они повторяют «топонимические» свидетельства Бельского (о горе Имаве и происхождении этнонима от названия р. Тартар) и объясняют скудность своих описаний тем, что древним греческим и латинским авторам татары были неизвестны.

Представления польских историков XVI в. о ранней этнической истории Евразии позволяют судить о становлении системы знаний принципиально нового типа, в основе которой лежал процесс постепенной демифологизации культурно-исторической картины мира, зарождения прикладной этнографии, что давало возможность получить более достоверную информацию о народах региона, востребованную в различных сферах жизнедеятельности.

Историки Ренессанса, опиравшиеся в своей работе на широкий спектр письменных источников различного происхождения, а также практический опыт взаимодействия с народами «Сарматий», смогли создать гипотезы, позволившие обобщить достижения авторов исторических сочинений предыдущих эпох и способствовавшие расширению умопостигаемого пространства просвещенного европейца. Также немало важно, что именно польская традиция оказала влияние на формирование представлений о народах Евразии восточно-славянских интеллектуалов раннего Нового времени. Результатом этого влияния явились историко-этнографические очерки, которые мы находим в составе украинских летописей и хронографов XVII в., киевского «Синописа», «Скифской истории» А. Лызлова, а также в сочинениях российских ученых XVIII в. – А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и др.

Едва ли создаваемый в интересующую нас эпоху этноисторический образ Евразии мог быть полностью независимым от мифологов и иррациональных домыслов. Такова природа отношения к этнической истории и этническим процессам, для которой по мере развития научного мировоззрения характерно не столько преодоление зависимости от «мифологического взгляда» в представлениях о родстве и происхождении народов, сколько его рационализация и трансформация [Петрухин, Раевский, 2004, с. 10]. Описанные нами гипотезы польских авторов являются примером такой трансформации. Оставаясь для нас, исследователей начала XXI в., протонаучными, балансирующими на грани мифа и науки, они, тем не менее, способны зримо указать на очевидный прогресс в области изучения истории народов, подчеркнуть возможности преодоления уста-

ревшей системы представлений, ее замены новой, более функциональной и методологически зрелой структурой знания.

Список литературы

Карнаухов Д.В. Развитие представлений о номинации восточных славян в исторической мысли Польши на рубеже Средневековья и Нового времени // Вопросы всеобщей истории и историографии: Сб. науч. ст. памяти проф. А.В. Эдакова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 263–279.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер., коммент. С.А. Аннинского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 288 с. – (Известия иностранцев о народах СССР).

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Знак, 2004. – 416 с. – (Studia historica).

Bielski M. Kronika wszytkyego swyata, na ssec wyekow, Monarchie czterzy rozdzielona, s Kozmographia nowa y z rozmaitemi Krolestwy tak pogańskimi Zydowskyemi yako y krzesćiańskymi, s Sybillami y proroctwy ich po polsku pisana s figurami. W ktorey też żywoty Cesarskye, Papyeskye, y tych królów z ich Krolestwy, Asyryjskich, Egipskich, Żydowskich, Greckich, Perskich, Tureckich, Węgyerskich, Czeskich, y innych rozmaitych thak Krolow, Kxyażat, yako innych przelożonych od początku swyata aż do tego roku ktory się pisze 1551 są napisane. Myędzy ktoremi też nasza Polska na ostatku zosobna yest wypisana. – Kraków: [Druk. u Unglera], 1551. – 67+295+1 l.

Bielski M. Kronika, tho iesth, Historia swiata na sześć wieków, a czterzy Monairchie, rozdzielona z rozmaitych Historyków, tak w świętym piśmie krzesćianskim, żydowskim, iako y Pogańskim, wybierana y na Polski ięzyk wypisana dosthatheczniey niż pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych: Od początku swiata, aż do tego roku, który się pisze 1564 s figurami ochędożnymi y własnymi. – Kraków: [Druk. u Mattheusza Siebeneychera], 1564. – 6+467+8 l.

Długoss J. Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien. In tres tomos digesta. Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita. – Dobromil: Officina Ioannis Szeligae, 1615. – 18 f., 599 p.

Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio, Sigismundi, Regis vitam compendiose complexa. Cum Caes. Maiest. Gratia et Peivilegio ad annos decem. – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1555. – 4 f., 702 p., 20 f.

Cromer M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti. Funebris eiusdem autoris Oratio Sigismundi Regis vitam compendiose complexa et aliquoties iam prius edita. Accessit iudicium Francisci Robortelli Utinensis de authore et libro. Cum gratia et privilegio Caes. Maies. ad novem annos. – Basileae: Officina Oporiniana, 1568. – 6 f., 468 p., 32 f.

Cromer M. Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Oratio funebris Sigismundi primi regis. Deque situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae, libri duo. Omnia nunc ultimo ab ipsomet auctore recognita, ac multis iocis emendata et aucta. His accesserunt

recens ad historiae continuationem, quae sequens pagina demonstrat et chartae geographicae cum Poloniae, Prussiae, Masoviae, Russiae etc. tum etiam Lituaniae, Liuoniae et Moscoviae, aeneis formis expressae. Cum indice rerum memorabilium locupletissimo. – Coloniae Agrippinae: Officina Birchmannica, 1589. – 14 f., 846 p., 27 f.

Gwagnini A. Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio. Adjuncta praeterea gesta praecipua Tyrannisque ingens moderni Monarchae Moschoviae Joannis Basilidis nuper perpetrata, vera fido descripta // Sarmatae Europaeae Descriptio Regnum Poloniae, Lituaniae, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moskoviam, Tartariaeque complectitur. – Cracovia: Typis Matthiae Wirzbietae, [1578]. – 47 f.

Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg et Guettenhag. In hijs commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector, Russiae et, que nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De religione quoque varia inserta sunt et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adjuncta. – Basileae: Officina Joannes Oporini, 1551. – 157 p.

Strykowski M. Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey

Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. Y rozmaite przypadki woienne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławiańskich, Liflatskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochnurną nocą zakrytych Kronik, y Latopiszow Ruskich, Litewskich, y u Długosza Oyca dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnością y węzłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) przez Macieia Osostewicivsa Striykowskiego dostatecznie napisana, złożona, y na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodniey starodawności własnym wynalezieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydźwigniona przez wszystkie starożytnie wieki, aż do dzisieyszego Roku 1582. A tu przod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską i Priwileiem Kro: J: M: – Królewiec: [Druk. u Gerzego Ostenbergera], 1582. – 20 l., 791 s., 9 l.

Ulewicz T. Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. – Kraków: Wydawn. Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiellońskiego, 1950. – 211 s.

Материал поступил в редколлегия 03.03.09 г.